

ности сообщаемой информации. Способы ее получения, зафиксированные в донесениях, являются традиционными для устной культуры: рассказ («так слышали») и собственный жизненный опыт («так видели» и «так знают»). В формировании устной традиции участвовала как живая память респондентов, так и память их предков. Кроме того, в донесениях зафиксирован процесс формирования народного нарратива о важнейшем для респондентов событии – восстании комунерос. Исходя из их рассказов, можно проследить, как воспоминания о восстании переходили из области коммуникативной памяти в сферу коллективной.

1. Конюшихина, Н. Л. Анкеты 1575 и 1578 годов для "Топографических донесений Филиппа II" / Н. Л. Конюшихина // Историческая география. – 2021. – Т. 5. – С. 79–124.
2. Конюшихина, Н. Л. Восстание комунерос в Новой Кастилии в народной памяти испанцев XVI века / Н. Л. Конюшихина // Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы четвертого международного форума. – СПб., 2020. – С. 1278–1286.
3. Arroyo llera, F. Agua, paisaje y sociedad en el siglo XVI / F. Arroyo llera. – Madrid : Ediciones del Umbral. – 998. – 246 p.
4. Campos y Fernández de Sevilla, F. J. Las Relaciones Topográficas de Felipe II: índices, fuentes y bibliografía / F. J. Campos y Fernández de Sevilla // Anuario jurídico y económico escorialense. – 2003. – №36. – P. 439–574.
5. Fernández Montes, M. La contestación de un cuestionario en el siglo XVI: tradición oral y tradición escrita en la "Relaciones topográficas de Felipe II" (Madrid) / M. Fernández Montes // Entre la palabra y el texto: problemas de interpretación de fuentes orales y escritas: Curso de Etnología Española "Julio Caro Baroja" / coord. por Díaz Viana L., Fernández Montes M. – Madrid : Complutense y Sociedad Española de Estudios del siglo XVIII. – 1997. – P. 211–232.
6. Los pueblos de Ciudad Real en las «Relaciones topográficas de Felipe II» / ed. por Campos y Fernández de Sevilla F. J. – Vol. 1–2. – Ciudad Real : Diputación de Ciudad Real, 2009. – 1168 p.
7. Maravall, J. A. El eco de las Comunidades en las Relaciones de los pueblos de España / J. A. Maravall // Homenaje a Julio Caro Baroja / coord. por M. Gutiérrez Esteve, J. A. Cid Martínez, A. Carreira. – Madrid : Centro de Investigaciones Sociológicas (CIS). – 1978. – P. 735–753.
8. Relaciones histórico-geográfico-estadísticas de los pueblos de España hechas por iniciativa de Felipe II. Reino de Toledo / ed. por Viñas y Mey C., Paz R. Pt.1. – Madrid : Consejo superior de investigaciones científicas, Instituto Balmes de sociología, Instituto Juan Sebastián Elcano de geografía, Consejo Superior de Investigaciones Científicas. – 1951. – XXIII. – 575 p.
9. Relaciones histórico-geográfico-estadísticas de los pueblos de España hechas por iniciativa de Felipe II. Reino de Toledo / ed. por Viñas y Mey C., Paz R. – Pt. 2, Vol. 1–2. – Madrid : Consejo superior de investigaciones científicas, Instituto Balmes de sociología, Instituto Juan Sebastián Elcano de geografía, Consejo Superior de Investigaciones Científicas. – 1963. – X. – 479 p. – 480–898 p.
10. Relaciones Topográficas de Felipe II, Madrid / ed. por Alvar Ezquerro A. – Vol. 1–3. – Madrid : Comunidad de Madrid, Consejería de Cooperación, Consejo Superior de Investigaciones Científicas. – 1993. – 193 p. – 988 p.

Илизаров Б.С.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СВЕТЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ ЗИГМУНДА БАУМАНА О «РЕТРОТОПИИ»

«Социальная память» – это не только удачная метафора (по типу: «историческая память», «память мира» и т.д.), сколько понятие с прозрачным смыслом. Много лет пытаюсь сократить разрыв между теорией и конкретно-историческим исследованием, определяя круг проблем, связанных с таким древнейшим явлением общечеловеческой истории, как социальная память [2, с. 151–163]. С моей точки зрения, социальная память (этноса, нации, человечества) – это совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) в целях сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению. В отличие от индивидуальной памяти память общества всегда опосредствована языком и памятью других людей, знаковыми системами, орудиями и средствами труда, воспринимаемыми как знаки [3, с. 326–373].

Последнее обстоятельство особенно важно для историка, т.к. еще в доцифровую эпоху предметы, не предназначенные для передачи информации, первоначально несущие в обществе чисто прагматические, целевые функции (орудия труда, архитектура, предметы быта, останки людей, животных, растений и т.п.), историки, археологи, архивисты, палеоантропологи и др. исследователи научились кодировать и декодировать системой обыденных письменных знаков, символов и понятий. Социальная память развивается совместно с общечеловеческой цивилизацией и как ее составная часть в системе и во взаимопроникновении с его базовыми институтами, включая мышление, язык, культуру, религию, государство, международные органы. На протяжении многих тысяч лет постепенно сформировались национальные специализированные учреждения-депозитарии (накопители и хранители информации) типа архивов, библиотек, музеев, банков данных, исследовательских организаций. В новейшее время они пополнились системами цифровой информации по типу Всемирной паутины, социальных сетей и облаков. В наше время социальная память – это совокупность постоянно прирастающей из наличного бытия информации и того, где эта информация концентрируется, классифицируется, описывается, хранится на разных условиях и на разных носителях. Таким образом, актуальная информация, циркулирующая в обществе, преобразуется в информацию ретроспективную, которая затем используется исторической наукой, культурой в широком смысле, пропагандой и не только ими. Такое понимание социальной памяти я формулировал в начале 80-х гг. XX века и развивал в последующие

годы [4, с. 18–30]. Трудно согласиться с теми, кто это понятие рассматривает как удобную метафору и не более того, особенно в социологических и философских текстах, в средствах массовой информации.

История как наука – это не память и не воспоминания какого-либо сообщества о былом, история – это знание о былом. Знание же всегда обладает свойствами проверяемости (через исторические источники, методы исследования достоверности, полноты, происхождения информации и т.д.) и никогда не бывает абсолютно однозначным. В отличие от науки, память общества подобна гигантскому накопителю, куда попадает иногда целенаправленно, но чаще случайным образом информация любого рода и качества и откуда «черпается» так же случайным захватом информация для целей науки, искусства, воспитания т.п. Как показала практика последних двух столетий, агрессивная государственная пропаганда и тотальные идеологии, пытаясь на свой лад выстроить картину прошлого (с любым знаком), исторически быстро терпят неизбежный крах: невозможно перекрыть или уничтожить все альтернативные источники информации, невозможно раз и навсегда законсервировать партийную или государственную доктрину видения прошлого. Не только технические изменения, но и наука в своем диалектическом развитии рано или поздно взрывают «царство мертвых» схем. Даже в СССР, где доктрина «исторического материализма» цементировалась десятилетиями, она постоянно «подмывалась» различными «течениями» и «школами», вызывая репрессии и сотрясая базовые идеологические институты. Спустя годы и эта доктрина развеялась в прах. Но насилие, которое использует тоталитаризм, вторгаясь в трактовку исторического знания и в процессы формирования социальной памяти, надолго уродует общественное сознание любых сообществ.

Среди заметных научных явлений, раздвигающих границы понимания отдельных сторон памяти общества, хочу отметить вышедшую несколько лет назад в Лондоне книгу выходца из Польши Зигмунда Баумана «Ретротопия» [1]. Речь идет, казалось бы, о хорошо известном явлении, когда обращение к собственной памяти начинает все более массивно подменять настоящее и вытеснять из общественного сознания возможные варианты будущего. В классической психологии такое состояние обычно связывают с пожилым возрастом человека, постепенно утрачивающего связь с действительностью и погружающегося в собственное прошлое. То, что такие состояния могут испытывать целые сообщества, включая нации или классы, писали давно и многие. Достаточно упомянуть К. Маркса, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Фуко и др. Речь идет об отношении к значимости коллективного прошлого. До определенного времени прошлое рассматривалось скорее в позитивном свете как то, из чего следует черпать опыт, вдохновение при строительстве настоящего и образцы для обучения, назидания и воспитания новых поколений. Эта традиция восходит в Европе от иудео-христианства – потерянный Эдем и грядущий Рай. Эдем – прошлое, утрата которого расценивается как невозможная и куда необходимо вернуться, чтобы вновь вкушать блаженство и благодать. Эпоха воспоминаний об изгнании из Рая – это эпоха расцвета утопизма и ренессанса. Кьеркегор даже утверждал, что история, т.е. жизнь, тем и хороша, что ведет нас по вечным, но вечно новым повторениям, поскольку «повторение есть исчерпывающее выражение того, что у древних греков называлось воспоминанием. Греки учили, что всякое познание есть припоминание, новая же философия будет учить, что вся жизнь – повторение» [5, с. 7]. «Древние греки» – это Платон и его учение о познании как «припоминании» вечных истин. Впрочем, Маркс видел в кажущемся повторении (в воспоминаниях и подражаниях) опасную ловушку реакции и как-то гневно написал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. *Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых* [выделено мной – Б.И.]. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории» [6, с. 374]. Он утверждал, ссылаясь на авторитет: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [6]. Но на самом деле никогда и нигде прошлое не возвращалось вспять, а возвращалось ощущение светлой грусти или томления и тоски, причиненное воспоминаниями. Время не необратимо, но обратима память и воображение. Платон, Маркс и другие говорят о воспоминаниях счастья и удачи стариков, заставляющих очередаемые молодые поколения возводить вокруг новыхстроек старые декорации и использовать исторических мертвецов в качестве душевных доноров. Тот же Ф. Ницше писал о противоречивой «пользе и вреде истории для жизни». Теперь мы стали мудрее и прозрели: будущее непредсказуемо, настоящее открыто для любого исхода, неизменным кажется только прошлое. Оно смутно манит к себе, как потерянный Рай. Запутанными и окольными путями Бауман подводит читателя именно к этим мыслям.

Давно замечено, что с такими явлениями, как память, повторение, воспоминание тесно связано еще и особое состояние – ностальгия. Ностальгия – это чувство сожаления, щемящей тоски, вызванное воспоминаниями о прошедшем времени и утраченном месте, куда невозможно вернуться [7, с. 297]. В XX

веке тоталитарные режимы и особенно ужасы Второй мировой войны, Холокост, массовая гибель людей в ни на миг не утихающих войнах стали менять роль воспоминаний для человечества. Если долгое время прошлое соотносилось с «золотым веком», с «потерянным Раем», с погасшей зарей человечества, с несбыточными желанием вернуться, чтобы пережить радость заново, то в XX веке прошлое и воспоминания для большей части людей стали связываться с эпохой войн, тоталитаризма и их смертельными отягощениями. До легкого ли дыхания ностальгии в этом случае? Всем известно, что воспоминания, несмотря на их нематериальность, способны причинить душевную боль, навязчивые состояния, психические и физические расстройства и даже привести к самоуничтожению, т.е. к самоубийству. Такое прошлое может отравить жизнь и вызывать «слезы и скрежет зубовой». Такая ностальгия прячется иногда за псевдонимом «совесть». На этот счет существует значительная литература, как художественная, так и из области психиатрии. Но Бауман сумел диагностировать новое явление, связанное с ролью коллективных воспоминаний. Его «ретротопия» – это форма защиты и существования в «забвении, которая вынуждает углубляться в прошлое не ради прошлого, но для того, чтобы забыть надвигающиеся ужасы будущего» [1]. Ретротопия – это попытка примирить безопасность и свободу. Ретротопия – это утопия никогда не бывшего в реальности прошлого [1, с. 21]. В наше время люди лишились светлого образа будущего, большинство лишается и благополучия настоящего, причем не только в странах бывшего советского блока, но и в относительно устойчивой Западной Европе. Надежды на спасительную роль гоббсоновского Левиафана, – утверждает Бауман, – осуществляющего «легитимное насилие» ради защиты всего общества от «нелегитимного насилия» преступных сообществ, не оправдались. Они слились в своем стремлении к насилию и легко взаимодействуют [1, с. 29, 32–33]. Помимо этих центральных идей, другие аргументы довольно расплывчаты и не всегда прозрачны. Ясно одно: человечество, нация, класс, группировки, т.е. сообщества достичь счастья для себя и других так и не смогли. Великие Утопии, начиная с Томаса Мора (добавим сюда и Маркса), показали свою несостоятельность и поэтому человечество, подобно «Ангелу Истории», несетя сейчас, гонимое ураганами ада, с выкрученными назад крыльями, повернувшись спиной к будущему и с трудом вглядываясь сквозь вихри в прошедшее. Современные общества идеализируют прошлое и фантазируют вокруг него так же, как раньше фантазировали вокруг соблазнительных социальных Утопий об Атлантиде или о Городе Солнца. «Воображаемые аспекты прошлого, подлинные или мнимые, сегодня служат главными ориентирами при составлении дорожной карты к лучшему миру», – меланхолично отмечает Бауман. Стремление в «спасительное» прошлое Бауман связывает с тягой к архаике: назад к племенному сознанию, назад к социальному неравенству, назад в утробу. Символизм утробы связан со стремлением освободиться от коллективного сознания и спастись от ужасов настоящего в своем индивидуальном мире, в «зоне комфорта» [1, с. 37]. Такой очень впечатляющий образ жуткого Ангела Истории с инверсиями прошлого-будущего нарисовал Зигмунд Бауман, когда-то убежденный коммунист, много лет служивший политкомиссаром в просоветском Войске Польском и умерший почетным профессором Лидского университета.

1. Бауман З. Ретротопия/ З. Бауман. – Москва : ВЦИОМ.М.2019. – 157с.
2. Илизаров, Б. Архив как элемент социальной памяти / Б. Илизаров //Актуальные проблемы советского архивоведения : сб. статей. – М., 1980. – Вып. 2. – 342 с.
3. Илизаров, Б. Память социальная//Энциклопедический социологический словарь / Б. Илизаров ; общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1995. – 686 с.
4. Илизаров, Б. Социальная память и архивы: историографический и практический аспекты / Б. Илизаров // Отечественные архивы. – 2021. – № 4. –143 с.
5. Кьеркегор, С. Повторение. Опыт экспериментальной психологии Константина Констанция / К. кьеркегор. – М. : Лабиринт, [б. г. и.]. – 386 с.
6. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 8. – 2-е изд. – М. : Гос.издат.полит.лит., 1957. – 705 с.
7. Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – М. : НЛО, 2002. – 145 с.

Федорчук Е.И.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ. ВОСПОМИНАНИЯ ЕВРЕЕВ БЫХОВСКОГО РАЙОНА. ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЫХОВА О ЕВРЕЙСКОМ НАСЕЛЕНИИ

Социальная память всегда интересное, многофакторное и непростое явление в истории народов. Одним из главных источников для анализа социальной памяти могут считаться личные воспоминания, которые хоть и не всегда точны, но, являясь результатом «проживания» и переосмысления событий, представляют собой важный фактор в формировании всесторонней картины. Этнический вопрос также является одним из острых вопросов социальной памяти, который позволяет взглянуть на объект или субъект рассмотрения с другой стороны.

В фондах Быховского районного историко-краеведческого музея находятся воспоминания быховчан, собранные и зафиксированные местным краеведческим сообществом. Это воспоминания еврейского населения о жизни на территории Быховского района и города Быхова в XX веке. Уклад жизни, бытовая история, топонимика, отношение нееврейского населения – эта информация отличается спецификой и личным интерпретированием.